

Асимметричный ответ

Автор:

[Макс Глебов](#)

Асимметричный ответ

Макс Алексеевич Глебов

Запрет на вмешательство #4

Окруженные под Москвой немецкие армии не собираются сдаваться. Снабжение войск в Московском котле обеспечивает люфтваффе с помощью транспортных самолетов. Для спасения группы армий «Центр» генералы вермахта собирают силы и готовят деблокирующий удар с применением химического оружия. В этих условиях подполковник Нагулин получает приказ пресечь снабжение немцев по созданному Герингом «воздушному мосту». Пока Нагулин охотится на транспортные «юнкерсы», Абвер вновь расставляет ловушку на него самого.

Макс Глебов

Асимметричный ответ

Глава 1

Маршал Шапошников выслушал меня, не перебивая, и еще почти минуту обдумывал услышанное. Я терпеливо ждал, понимая, насколько непросто начальнику генерального штаба поверить в полученную от меня информацию.

– Мы к такой войне не готовы, – наконец ответил маршал. – Ваше предположение звучит логично, но оно нуждается в проверке средствами

разведки. На основании голой гипотезы такие решения не принимаются.

- Если применение немцами химического оружия произойдет внезапно, это деморализует наши войска, и вероятность деблокирования противником Московского котла резко повысится. Думаю, именно на этом и строится весь расчет немецкого генштаба. Товарищ маршал, времени у нас максимум две-три недели. Потом будет поздно. В конце концов, у нас есть разведчики, есть партизаны. Нужно поставить им конкретную задачу. Столь масштабную подготовку к химическому удару невозможно полностью скрыть. Рано или поздно мои слова будут подтверждены фактами, но может оказаться уже слишком поздно.

- Предлагаете начать подготовку к применению нашего химического оружия? Завозить на прифронтовые склады снаряды с ипритом и фосгеном? Снабженцы едва справляются со своевременным обеспечением войск обычными боеприпасами и продовольствием, а вы хотите забить наши коммуникации грузами, которые не факт, что вообще понадобятся.

- Не предлагаю, товарищ маршал. Я считаю химическое оружие варварским средством ведения войны, особенно в случае его использования против мирного населения. Я знаю, что в Первую мировую, да и в Гражданскую, оно достаточно широко применялось, но эта практика только укрепляет меня во мнении, что вменяемые люди никогда не станут пускать его в ход. Поэтому я считаю, что наши химвойска должны сосредоточиться на защите армии от химического оружия, а не на его ответном применении.

- Не понял, - Шапошников посмотрел на меня со смесью удивления и недоверия. - Вы что же, товарищ Нагулин, предлагаете терпеть химические удары противника и не отвечать?

- Отвечать мы обязательно будем, - я обозначил уголком губ легкую усмешку, - причем отвечать так, чтобы навсегда отбить у Гитлера мысль о дальнейшем применении отравляющих веществ. Но кто сказал, что наш ответ обязательно должен быть химическим?

- Поясните вашу мысль, подполковник.

– Химическое оружие обладает высокой метеозависимостью. Его эффективность сильно зависит от направления ветра, температуры и влажности воздуха и других погодных факторов, вроде дождя или снега. Кроме того, хорошо подготовленный солдат способен защититься от поражающих факторов химического боеприпаса, и даже гражданское население при принятии должных мер будет страдать от этого оружия меньше, чем от обычных бомб. Немцы это знают и наверняка тщательно готовятся уже сейчас, рассчитывая, что, когда наступит час «Ч», они окажутся в более выгодном положении по сравнению с нашими бойцами и командирами. Отвечать им химией нет никакого смысла – обычные боеприпасы сработают против немцев лучше. Кроме того, нам и без отравляющих веществ есть чем «обрадовать» противника.

– Я чего-то не знаю о содержимом наших арсеналов? – Шапошников слегка изогнул бровь.

– Это оружие пока не вышло из стадии экспериментов, товарищ маршал, но оно обладает настолько высоким боевым потенциалом, что есть смысл сосредоточить силы на скорейшем доведении его до промышленных образцов. Я сейчас говорю о боеприпасах объемного взрыва и боевых термитных смесях.

– О термитных смесях я в курсе, – кивнул маршал. – Они используются в зажигательных бомбах и снарядах. Узкоспециализированные боеприпасы, никогда раньше не применявшиеся за пределами того ограниченного круга задач, для которых они и были созданы. А вот об объемном взрыве действительно слышу впервые.

– Я столкнулся с информацией об этих исследованиях в процессе создания гранатомета и боевой части для крылатой ракеты. Пришлось проработать большой массив специальной литературы по взрывчатым веществам. Наша промышленность, к сожалению, не в состоянии производить гексоген в достаточных количествах, и я искал варианты его замены.

– Нашли?

– В какой-то мере. После шести месяцев войны у нас назрел жесточайший дефицит взрывчатых веществ и порохов. Захват ряда заводов врагом и эвакуация промышленности только усугубили это положение. Группу армий «Центр» мы окружили, но сожгли почти все накопленные запасы снарядов и

бомб. Теперь, когда немцы немного придут в себя, перегруппируются и предпримут попытку деблокады, не вполне ясно, чем мы будем отбиваться. Поэтому от идеи загружать новыми разработками существующие мощности я сразу отказался – они и так не справляются.

– Разумно, – согласно кивнул Шапошников.

– Как выяснилось, часть традиционных взрывчатых веществ можно заменить смесями, ранее не использовавшимися в снарядах и бомбах. Думаю, вам хорошо известно, что в угольных шахтах и на мукомольных заводах иногда происходят сильные взрывы с человеческими жертвами и значительными разрушениями. Детонирует висящая в воздухе взвесь мельчайшей пыли. Это и есть объемный взрыв. Мука и уголь, конечно, далеко не лучший выбор для боевого применения. Есть гораздо более эффективные компоненты. Например, окись этилена. Это вещество уже сейчас производится нашей химической промышленностью, пусть и не в очень большом количестве, однако, при необходимости, его выпуск может быть увеличен. Не буду утомлять вас подробностями, но я готов предложить конструкцию боеприпаса, основанного на этом принципе. При его разработке я уделил особое внимание технологичности производства. Конструкция оказалась относительно несложной и вряд ли вызовет затруднения при освоении в промышленности.

– В какой стадии находится эта разработка?

– Пока у меня есть только чертежи, товарищ маршал. Для максимально быстрого изготовления и испытания первых образцов нужно решение, которое поступит с самого верха.

– Товарищ Берия в курсе?

– Так точно. Наркомат внутренних дел оказал мне большую поддержку в процессе разработки проекта. Я получил беспрепятственный доступ к секретным разработкам закрытых конструкторских бюро, работающих под эгидой НКВД, и штат инженеров-конструкторов. Один бы я так быстро с этой задачей не справился.

– Ваш способ продвижения своих разработок нарушает все принятые в СССР нормы, – усмехнулся Шапошников, – но после боевого применения гранатометов

все закрывают на это глаза. Отзывы от частей, куда уже поступили первые небольшие партии РГН-1, звучат единогласно: «Дайте еще и как можно больше!». Хорошо, с объемным взрывом я понял. Что по термиту?

– Термитные снаряды известны достаточно давно, как и смеси, идущие на их изготовление. В основном они используются в зажигательных боеприпасах, но пока они не проявили себя как универсальное оружие по одной очень важной причине – термитные снаряды не применялись по-настоящему массированно, когда эффект от их действия складывается. Температура горения смеси оксида железа, алюминиевой пудры и нитрата бария может превышать три тысячи градусов. Одиночный термитный снаряд способен вызвать пожар, но если на относительно небольшую площадь упадет одновременно несколько десятков таких снарядов, врага не защитит ни броня, ни окопы, ни даже блиндажи – сгорит все. Вот только попадания должны покрывать всю площадь цели одновременно или с очень небольшой разницей во времени. Обычной артиллерией такого эффекта добиться сложно, но у нас есть, как минимум, два типа оружия, для которых термитная смесь подойдет наилучшим образом. Это «Катюши» и кассетные бомбы. По бомбам я, скажу честно, подготовить предложение не успел, а вот по реактивным снарядам для БМ-13 все оказалось лучше, чем я думал. В этом направлении уже многое было сделано до меня, так что мне пришлось лишь внести кое-какие правки и взять на себя ускорение процесса разработки и испытаний.

– И вы полагаете, этого будет достаточно для противостояния химической угрозе?

– Думаю, да. И термитное оружие, и боеприпасы объемного взрыва способны произвести на солдат противника сильное деморализующее действие. На самом деле, наладить по-настоящему массовый выпуск таких снарядов и бомб мы не сможем – промышленность к этому не готова, а накопленные запасы быстро иссякнут, но Гитлер ведь об этом не знает. Если наши войска покажут стойкость к химическим атакам и одновременно мы применим эти новые разработки, велик шанс, что при посредничестве нейтральных стран мы сможем договориться с немцами о прекращении применения ими боевых отравляющих веществ в обмен на наш отказ от термитных снарядов и объемно-детонирующих боеприпасов.

Шапошников в задумчивости подошел к карте, отражавшей текущую обстановку под Москвой. Огромный Московский котел за прошедшую неделю успел несколько сжаться. Несмотря на приказы Фюрера, немцы отходили от окраин

советской столицы, стремясь уплотнить фронт и высвободить силы для предстоящего прорыва из окружения.

– Я озвучу ваши предложения на совещании Ставки, – наконец развернулся ко мне маршал. – Предположения о подготовке противником применения химического оружия все еще ничем не подкреплены, но то, что вы предлагаете, может иметь значительный эффект и без всякой угрозы химической атаки. Тем не менее, ваше мнение о необходимости всемерного усиления химзащиты войск я разделяю и буду настаивать на немедленном решении этого вопроса.

* * *

Настроение Рихтенгдена никак нельзя было назвать приподнятым, но сегодня он, по крайней мере, мог сообщить начальству конкретные результаты аналитической работы, проведенной его группой, и это немного примирило полковника с мрачной действительностью.

– Герр генерал, разрешите!

– Проходите, полковник. Как ваши нервы? Не будете больше проситься на фронт?

– Благодарю, уже лучше. Интенсивная работа – лучшее лекарство от депрессии. А на фронт проситься буду, только в этот раз не командиром пехотного батальона, а все же в прежнем качестве, – Рихтенгден обозначил на лице легкую улыбку.

– Да, вот теперь я вижу, что вы действительно в порядке, – усмехнулся генерал, – Слушаю вас, полковник.

– К настоящему моменту у нас накопился значительный объем данных по действиям русского стрелка в различных обстоятельствах, которые позволяют с достаточной точностью определить пределы его возможностей.

– Так все-таки стрелка или стрелков? – перебил подчиненного генерал.

- Стрелка. Пока только одного стрелка. Более детальный анализ повреждений, полученных нашими самолетами, показал, что второй снайпер Нагулину явно не ровня. Возможно, довольно способный ученик, но с самим стрелком он ни в какое сравнение не идет. Если исходить из скорострельности «панцербюксе-38» и опираться на показания выживших участников сражения, можно сделать вывод, что за время боя второй снайпер произвел около сорока выстрелов, допустив не менее восьмидесяти процентов промахов. Учитывая сложность целей, это отличный результат, но не более. Ничего сверхъестественного. Нагулин попал бы тридцать раз из сорока.

- Уже легче, - кивнул генерал. - Продолжайте.

- Так вот, вернемся к возможностям стрелка. Мы пришли к выводу, что при всей их необычности они все же имеют четкие границы. Практика показала, что стрелок, имеющий на вооружении крупнокалиберное автоматическое оружие, может уверенно противостоять атаке пяти-шести самолетов, да и то лишь в ситуации, когда они атакуют не непосредственно его, а другие цели. Если самолетов больше, защищаемые стрелком объекты начинают нести потери. Одновременный бомбовый удар двадцати Ju-87 стрелок сорвать не смог, даже несмотря на поддержку второго снайпера. Бомбардировщики успели сделать два захода и нанесли пехоте противника существенный урон. Думаю, если бы они атаковали не русские окопы, а самого Нагулина, результат для него был бы весьма печальным.

- Наконец-то я слышу что-то обнадеживающее, - произнес генерал, неспешно прохаживаясь по кабинету.

- Это еще не все. Трижды стрелок руководил действиями ночных бомбардировщиков. В районе Кременчуга он делал это с земли, и потом дважды управлял группами из десяти ТБ-7 и Ер-2 под Киевом и Вязьмой. Десять самолетов - его предел. Собрать группу большей численности он, конечно, может, но вот эффективно ими управлять - нет. Его группы в обоих случаях понесли существенные потери, даже когда ведомых было всего десять.

- Это были оправданные потери, - возразил генерал. - И под Киевом, и под Вязьмой достигнутый русскими результат не шел ни в какое сравнение с потерей нескольких тяжелых бомбардировщиков.

– Несомненно, – не стал спорить Рихтенгден, – но суть ведь не в этом. Главный вывод из сказанного состоит в том, что, делая ставку на новейшие достижения наших инженеров, мы упустили один простой, но важный нюанс – русский успешно борется с одиночными целями и неплохо справляется с несколькими противниками, даже если они являются нашими новейшими разработками, но эффективно действовать против большого числа обычных строевых машин, вроде «штук», он просто не успевает.

– Предлагаете завалить Нагулина трупами, полковник? – с сомнением в голосе спросил генерал. Было видно, что он напряженно обдумывает полученную информацию, но пока к определенным выводам не пришел.

– Если быть предельно циничным, то можно сказать и так, – пожал плечами Рихтенгден. – Потери неизбежно будут высокими, но для уничтожения такого необычного противника это было бы слишком просто.

– Тогда в чем состоит ваша идея?

– Стрелок уже неделю практически никак себя не проявляет на фронте. Думаю, русские что-то готовят. Как вы думаете, герр генерал, что сейчас является нашей самой уязвимой точкой, ударив по которой можно существенно нарушить все наши планы?

– Воздушный мост, переброшенный люфтваффе в Московский котел, – не задумываясь, ответил генерал. – Рейхсмаршал Геринг смог прыгнуть выше собственной головы. На юге и под Ленинградом наши войска стонут от отсутствия эффективной поддержки с воздуха, но больше тысячи транспортных самолетов под плотным истребительным прикрытием бесперебойно доставляют грузы окруженным, и русская авиация ничего не может с этим поделать, хотя попытки были. К счастью, безуспешные. Противник потерял слишком много самолетов, поддерживая наступление своих танковых сил на Вязьму, и банально выдохся.

– Я пришел к аналогичному выводу, герр генерал, – кивнул Рихтенгден. – Думаю, именно здесь нам следует ожидать очередной атаки стрелка. Вот только он предпочитает совершать вылеты ночью, а воздушный мост действует днем.

– Возможны ночные удары по аэродромам. Такое в практике Нагулина уже было.

– К подобному развитию событий мы готовы, – возразил полковник, – аэродромы базирования транспортных самолетов отлично защищены, а сами транспортники на ночь рассредоточиваются и тщательно маскируются.

– И как, по вашему мнению, будет действовать Нагулин?

– Думаю, он будет управлять огнем с земли. Русские 85-миллиметровые зенитки 52-к способны вести огонь по воздушным целям на высоте до десяти километров, а наши транспортные «юнкерсы» выше шести не поднимаются. Да и привлеченные к перевозкам грузов бомбардировщики «хейнкель» He-111 имеют практический потолок восемь тысяч метров. На этих высотах русским зенитчикам редко удастся попасть по нашим самолетам, но если за дело возьмется стрелок...

– Хорошо, допустим все так. Что дальше?

– А дальше все достаточно просто. Как только какая-то из групп наших транспортников попадет под аномально точный огонь с земли, нам станет ясно, где именно в данный момент находится стрелок. Один из истребителей прикрытия немедленно подаст условный сигнал ударной авиагруппе, которую нам предстоит срочно подготовить и держать в постоянной готовности к вылету. Как только ее командир получит сигнал, он поднимет свои машины и нанесет удар по позиции русских зениток, управляемых Нагулиным.

– Стрелок наверняка будет хорошо защищен, – возразил генерал. – Думаю, при первых же признаках атаки с воздуха он немедленно укроется в каком-нибудь надежном убежище. Уверен, для него русские постараются построить такой блиндаж, который возьмет разве что прямое попадание тяжелой бомбы. А есть ведь еще и вариант с управлением огнем по радио, как он это уже неоднократно делал.

– Зенитный огонь требует немедленной реакции на маневры самолетов. При использовании радио будут неизбежно возникать задержки, и эффективность стрельбы резко упадет. Уверен, что стрелок займет место наводчика одной из зениток или возглавит расчет прибора управления огнем зенитной батареи. Кроме того, я считаю, что при нашей атаке Нагулин не побежит в блиндаж, – усмехнулся Рихтенгден. – Хоть он и унтерменш, но ни разу не дал нам повода усомниться в своей смелости. Он не бросит товарищей и попытается отразить

налет. Но даже если ему прикажут и силой эвакуируют в блиндаж, у нас есть средство сделать так, чтобы с этой позиции живым он не ушел.

– Опять какая-то новинка?

– Естественно. Без подобных сюрпризов рассчитывать на гарантированное уничтожение стрелка было бы слишком самонадеянно. Три года назад, в тридцать восьмом году, наши ученые при попытке создать новый мощный пестицид синтезировали вещество, перевернувшее наши представления о токсичных газах. Это фосфорорганическое соединение нервно-паралитического действия получило название «зарин». Его преимущество заключается в воздействии на человека не только через органы дыхания, но и через кожу. Защититься от зарины можно лишь с помощью полного защитного костюма, которого, я уверен, у Нагулина не будет. Промышленное производство этого газа еще не освоено нигде в мире, но, как я выяснил, с помощью экспериментальных установок нами уже наработано около двадцати килограммов зарины. Учитывая его исключительную токсичность, этого хватит для снаряжения нескольких десятков авиабомб, которые мы применим в комплексе с обычными фугасными и осколочными боеприпасами.

Генерал посмотрел на Рихтенгдена долгим взглядом, в котором читались смешанные чувства. Сама идея применения на войне отравляющих веществ была ему явно не по душе, но в предложении полковника имелось рациональное зерно. Фюрер своим личным приказом санкционировал применение боевых газов, и теперь у Абвера в этом вопросе тоже были развязаны руки.

– Применив зарин против позиции русских зенитчиков, мы можем нарушить планы командования вермахта по нанесению внезапного химического удара по русским войскам, – выдвинул генерал свое последнее возражение.

– Думаю, это уже неважно. переброска танковой группы Клейста под Вязьму практически завершена. До начала нашего наступления остались считанные дни. Русские просто не успеют ничего предпринять, даже если вовремя поймут, с чем имеют дело.

– Возможно, вы правы, но я не могу разрешить проведение подобной операции без согласования с адмиралом Канарисом и рейхсмаршалом Герингом. Вполне возможно, она потребует и личного одобрения Фюрера. Тем не менее, вам

следует приступить к подготовке немедленно. С учетом всех тех проблем, которые стрелок нам уже успел создать, я уверен, что ваш план будет утвержден достаточно быстро и без существенных изменений.

* * *

– Товарищ Жуков, вы уверены, что противник действительно в состоянии организовать снабжение окруженных войск продовольствием и боеприпасами в достаточном объеме?

– Смотря что считать достаточным, товарищ Сталин. Грузов, доставляемых немцами по воздуху, безусловно, не хватит для поддержания боеспособности группы армий «Центр» в течение длительного времени. Однако, все мы понимаем, что противник готовит прорыв, и долго ждать немецкого наступления нам не придется. Продержаться на таком снабжении еще пару недель окруженные войска смогут, а дальше все будет зависеть от нашей способности отразить деблокирующий удар.

Сталин кивнул, бросил короткий взгляд на карту и повернулся к Шапошникову.

– Борис Михайлович, как вы оцениваете способность наших войск не допустить прорыва кольца окружения?

– Ситуация непростая, Иосиф Виссарионович. Мы слишком сильно выложились, замыкая котел и отражая контрудары противника. Численность дивизий просела до двух-трех тысяч человек. Танковые бригады потеряли до шестидесяти процентов боевых машин, а артиллерия испытывает недостаток снарядов. С авиацией, к сожалению, положение еще более сложное. Нам не просто не удалось поколебать немецкое господство в воздухе. После понесенных потерь соотношение сил еще больше сместилось в пользу противника. Тем не менее, пока на внешнем фронте окружения мы имеем достаточно устойчивое положение, и если противник ограничится ударом извне, шансы удержаться достаточно велики, однако сложно рассчитывать на то, что немцы внутри кольца будут вести себя пассивно. Пока люфтваффе доставляет им горючие и боеприпасы, не учитывать возможность их удара навстречу танкам Клейста мы не можем. Кроме того, – Шапошников слегка замялся, – есть еще одно обстоятельство. Пока это лишь выводы аналитиков, но я бы не стал ими пренебрегать.

– Продолжайте, Борис Михайлович, – чуть приподнял бровь Сталин, – мы с товарищами вас внимательно слушаем.

* * *

Полученный приказ мне не понравился. Пожалуй, впервые Ставка решила использовать мои возможности по собственной воле, а не по моей инициативе. Я прекрасно понимал, что выстроенный Герингом воздушный мост стал для товарища Сталина и его генералов костью в горле. В результате контрнаступления под Москвой Красная армия откусила настолько крупный и жирный кусок, что теперь испытывала явные проблемы с тем, чтобы его прожевать. А сам кусок оказался очень вкусным, но до неприличия скользким и изворотливым, норовящим в любую секунду выскользнуть изо рта. И вот теперь решение этой проблемы, вернее, ее самой неприятной части, оказалось возложено на скромного подполковника Нагулина. А что? Мост через Днепр на дно пустил? Пустил! Значит, теперь и воздушный мост с таким же успехом обрушишь, а мы поможем. Ну а если не справишься, тут уж извини...

Однако имела место и еще одна проблема, волновавшая меня едва ли не больше, чем внезапно упавшая на мою голову задача настучать по рогам рейхсмаршалу Герингу. Ставка восприняла мои выводы по готовящейся химической атаке без должного внимания. Нет, от слов Шапошникова не отмахнулись, но и с должной серьезностью к ним тоже не отнеслись, отделавшись дежурной записью в протоколе совещания в стиле: «усилить подготовку..., проверить наличие в войсках..., устранить недостатки...» и все в том же духе. Воздушный мост и предстоящий удар танков Клейста волновали руководство СССР куда больше некой гипотетической химической угрозы.

Шапошников, тем не менее, проблемой проникся, особенно после того, как по его запросу наркомат Берии нашел среди донесений партизанских отрядов доклад об обнаружении в одном из вагонов пущенного под откос немецкого поезда снарядов с непонятной маркировкой в виде кольцевых полос разного цвета. Обследовать их детально партизаны не успели, возможно, на их счастье, но сам факт в докладе на «большую землю» отметили.

– Товарищ маршал, нам просто необходимо подготовить хотя бы несколько частей, способных эффективно действовать в условиях химического заражения

местности. Именно они смогут удержать фронт от развала, если Гитлер все же решится пустить в ход отравляющие вещества.

Думал Шапошников недолго, и решение, на мой взгляд, принял вполне адекватное.

– В районе Калинина сейчас завершают формирование две новых танковых бригады и стрелковая дивизия. После выполнения задачи, поставленной вам Ставкой, отправитесь туда в качестве представителя генштаба и организуете необходимую подготовку. Любое разумное усиление этих соединений химическими войсками я поддерживаю. Но сейчас вам необходимо сосредоточиться на пресечении снабжения Московского котла по воздуху. К концу дня Ставка ждет ваших предложений.

От Шапошникова я вышел, мягко говоря, не в лучшем настроении. Что я могу сделать против целой орды транспортных самолетов, густо прикрытых злыми «мессершмиттами»? Использовать свой «крейсер ПВО», кустарно переделанный из ТБ-7? Смешно. Днем мессеры, навалившись толпой, порвут его в клочья, потеряв в лучшем случае несколько машин. Можно, конечно, отбомбиться ночью по аэродромам, но это, скорее всего, мало что даст, а потери наверняка будут большими – немцы не дураки, и на собственном опыте учатся очень быстро. Значит, остаются зенитки, они у Красной армии неплохие, но здесь тоже не все так просто. Одно дело неподвижный мост через Днепр или сгрудившиеся на небольшой площади танки и бронетранспортеры противника, и совсем другое – летящие на большой высоте самолеты.

Начальная скорость снаряда единственной подходящей для моих целей зенитки – восемьсот метров в секунду. Лететь снаряду предстоит семь-восемь километров, причем в основном вверх. До цели он доберется секунд через пятнадцать, а то и двадцать после выстрела. За это время самолет может совершить несколько маневров, как по горизонтали, так и по высоте. А если учесть, что самолетов этих тысяча с лишним, замучаюсь я их с неба ссаживать. На это несколько месяцев уйдет, которых мне никто не даст, и, прежде всего, не дадут мне их сами немцы.

Жить я продолжал на Лубянке, и это меня полностью устраивало, поскольку позволяло регулярно видеться с Леной. Вместе с Игнатовым и Никифоровым она перешла в подчинение подполковника Лебедева, который по моей просьбе начал готовить из них боевую диверсионную тройку нового состава. Лена вошла в нее в качестве снайпера, Игнатов – как гранатометчик, а Никифорову отвели роль пулеметчика. В зависимости от поставленной задачи в группу могли входить и другие бойцы. Например, радист, сапер, проводник или два-три стрелка, являвшихся вторыми номерами расчетов гранатомета и пулемета, но основу всегда составляли три бойца. Лебедеву идея понравилась, и таких троек он готовил сразу несколько, но только Лена и сержанты продолжали служить в Москве рядом со мной, хотя прямого отношения к ним я уже, вроде бы, и не имел.

Я потрянул головой, возвращая мысли к насущному. Идею самому сесть в кресло наводчика одной из зениток я отменил сразу – не настреляю я столько самолетов, чтобы за несколько дней существенно изменить расклад сил.

Я сидел и обдумывал ситуацию, когда дверь без стука открылась и в комнату тихо вошла Лена.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросила она, увидев мою мрачную физиономию.

– Ну, пока еще нет, – я постарался улыбнуться как можно беззаботнее, – просто Ставка хочет, чтобы я поломал немцам их воздушный мост в Московский котел, а я пытаюсь понять, доросла ли у меня ломалка до этой задачи.

– Если начальство считает, что доросла, значит будь добр ломать, – без улыбки ответила Лена, но по ее глазам было видно, что она это несерьезно.

– Может подскажешь как? – поддержал я ее тон.

– А что тут думать-то? – удивилась Лена, – Тебе кто задачу ставил?

– Товарищ Шапошников.

- Вооот! - протянула Лена подняв вверх указательный палец, - а это значит что? А значит это то, что в ресурсах ты практически не ограничен. Ты ведь не командир батальона или полка, для которого такой приказ был бы абсурдом. Ты прямой подчиненный начальника генерального штаба. То есть выполнять этот приказ ты должен силами частей и соединений, которые ставка выделит для решения поставленной задачи. Тебе уже сообщили, чем ты можешь располагать?

- Нет, - я с удивлением посмотрел на Лену, внезапно проявившую себя с совершенно неожиданной стороны. - К вечеру от меня ждут план операции.

- Так в чем же дело? У тебя ведь не возникло проблем с наведением тяжелых гаубиц на наземные цели, так почему вдруг с воздушными будет иначе? Вспомни, сколько стволов работало на тебя под Москвой. Многие сотни! Не думаю, что, ставя такую задачу, Ставка будет жадничать в средствах. Проси столько зениток и самолетов, сколько нужно. Без всякой ложной скромности, которая, впрочем, насколько я знаю, тебе и не свойственна, - Лена хищно улыбнулась.

Я молча смотрел на подругу. Ее простые, в общем-то, слова сыграли для моего мозга роль переключателя, запустившего ход мыслей в нужном направлении. Ведь и правда, хватит полагаться только на собственные способности. Если я хочу выйти на по-настоящему стратегический уровень, пора привлекать к делу ресурсы соответствующего масштаба. И задача эта для меня будет очередной проверкой. Не зря приказ прозвучал столь абстрактно. Способы его выполнения оставлены полностью на мое усмотрение, и это значит, что в Ставке желают посмотреть, как я буду выкручиваться из сложившейся ситуации.

- Ленка, ты молодец, - я поймал подругу за руку и притянул к себе.

- Да ладно, - отмахнулась она, упираясь руками мне в грудь, - Что я такого важного сказала?

- Это уж мне решать, важное или нет, - я обхватил ее крепче и слегка приподнял. Лена издала негромкий смешок и попыталась вывернуться, впрочем, без особого энтузиазма.

* * *

Сержант Серова чуть не опоздала к Лебедеву на занятие по общей диверсионной подготовке и покинула мою комнату в изрядной спешке, а я, позволив себе несколько минут просто бездумно поваляться на кровати, прикрыл глаза и заставил вычислитель выдать мне справку о маршрутах полетов и тактике немецких транспортников.

Аэродромов внутри Московского котла у немцев хватало. Периметр окружения, конечно, постепенно сокращался, но безопасно принимать транспортные самолеты противник все еще мог в десятке мест, что обеспечивало быстрое распределение получаемых грузов между частями и соединениями.

Нельзя сказать, что люфтваффе имело возможность полностью игнорировать нашу авиацию, но эффективную тактику противодействия немногочисленным советским истребителям немцы нашли быстро. Растягивать свои «мессершмитты» вдоль маршрутов следования транспортников они не стали, да и не хватило бы им на это самолетов. «Юнкерсы» и «хейнкели» шли плотными группами по тридцать-пятьдесят машин на высоте около пяти тысяч метров. Даже без истребительного прикрытия такая группа могла постоять за себя, ведя плотный пулеметный огонь по любому противнику, который осмелился бы к ней приблизиться. Тем не менее, прикрытия имело место. Непосредственно над транспортниками и впереди по курсу небо патрулировали мессеры, внимательно следя за тем, чтобы никто не пытался обидеть их неповоротливых подопечных.

Зенитчики, конечно, пытались обстреливать немцев над занятой нашими войсками территорией, но противник постоянно менял маршруты полетов, и угадать, где именно нужно сосредоточить зенитки, не получалось. Потери у противника, конечно, были, однако существенными я бы их не назвал. И вот эту ситуацию мне требовалось переломить.

Для начала я попытался оценить силы, которые уже имелись на не слишком широкой полосе между внутренним и внешним фронтами окружения. Зенитных пушек там оказалось на удивление много. Хотя, чему удивляться? Нужно же хоть как-то компенсировать немецкое господство в воздухе, иначе наземным войскам станет совсем уж невесело. В составе стрелковых дивизий 85-миллиметровых зенитных пушек не было. Их сводили в зенитные полки по шестнадцать орудий в каждом и в противотанковые бригады, где эти орудия выступали в качестве обычных пушек. Теперь мне предстояло выцарапать все

это богатство из цепких рук командиров разных уровней и подчинить единой цели – разрушению немецкого воздушного моста.

Около девятнадцати часов я уже находился в кабинете Шапошникова с докладом о том, что план операции готов. Маршал принял из моих рук папку и попросил озвучить основную идею. Я озвучил.

– Позиционные районы ПВО? – задумчиво произнес Шапошников, внимательно выслушав мой доклад. – Идея необычна, но в целом понятна. Однако, это не все. Вы хотите обеспечить высокую мобильность зенитных частей, насытив их тягачами сверх штата... Сделать это будет не просто и, боюсь, технику придется отбирать у артиллерийских полков...

– Товарищ маршал, без мобильности ничего не получится. Внутри позиционного района зенитные полки должны иметь возможность быстрого маневра, иначе противник просто начнет прокладывать маршруты транспортников в обход выявленных точек концентрации средств ПВО и попытается их подавить артиллерией и авиацией.

– Хорошо, допустим, вы правы. Но в вашем плане есть еще один сомнительный пункт – управление огнем нескольких позиционных районов из одного центра. Как я понял, вы хотите напрямую, по радио и телефонной связи, передавать данные для ввода в приборы управления артиллерийским зенитным огнем ПУАЗО-3?

– Так точно, товарищ маршал.

– Как вы планируете успевать получать данные с радиолокаторов и постов ВНОС, обрабатывать их и передавать в двенадцать позиционных районов? Малейшая задержка в передаче данных будет приводить к потере ими актуальности. Вы уверены, что справитесь?

– Уверен. Если бы не ПУАЗО, я бы действительно не успевал, но эти автоматические устройства сделают за меня часть работы, и зенитные батареи смогут открыть огонь вовремя. Кроме того, все двенадцать полков 52-к вряд ли будут вести огонь одновременно.

Прибор управления артиллерийским зенитным огнем ПУАЗО-3. Разработан в 1939 г. В августе 1940 г. прошел полигонные испытания и был принят на вооружение и запущен в серийное производство. Существенным недостатком ПУАЗО-3 был большой по численности боевой расчет в семь человек (они вводили в ПУАЗО ручным способом снятые с дальномера данные о дальности, высоте, и направлении движения цели, а также метеоданные о скорости ветра и температуре и влажности воздуха) Еще одной проблемой являлось то, что, как и аналогичные приборы предыдущих моделей, он обеспечивал стрельбу только по визуально наблюдаемым целям.

Честно говоря, ПУАЗО-3, которыми оснащались батареи 85-миллиметровых зениток, были бесконечно примитивными устройствами, но для сороковых годов двадцатого века они представляли собой существенный шаг вперед в управлении зенитным огнем. Расчет из семи человек вводил в ПУАЗО данные с дальномеров и радиолокаторов, прибор рассчитывал координаты упрежденной точки цели и передавал на орудия данные для стрельбы. Для меня прелесть этой системы заключалась в том, что зенитчики хорошо умели с ней работать и никакой необходимости управлять огнем каждого орудия у меня не было, а вот существенно увеличить точность данных, скармливаемых прибору управления огнем, я как раз мог, и это должно было сильно повлиять на эффективность стрельбы.

- Хорошо, - наконец, принял решение Шапошников, - я представлю ваш план Ставке. Надеюсь, товарищ Нагулин, вы осознаете степень принимаемой на себя ответственности. Под эту операцию нам придется перекроить всю систему зенитного прикрытия внешнего фронта окружения.

* * *

Воздушный мост впечатлял. Спутники позволяли мне видеть его во всем великолепии. Наверное, впервые в истории Земли одна из воюющих сторон проводила столь масштабную операцию по снабжению войск с помощью транспортной авиации.

Никакой непрерывной вереницы самолетов, летящих растянувшейся на сотни километров цепью, естественно, не наблюдалось. Такую тактику можно использовать только при отсутствии какого-либо противодействия со стороны противника. Растянутую цепочку транспортников можно атаковать в любом месте, и на прикрытие всей этой «колбасы» никаких истребителей не хватит. Поэтому немцы использовали метод «воздушных конвоев», собирая «юнкеры» и «хейнкели» в группы и сопровождая их до аэродромов в Московском котле.

В воздухе одновременно находилось пять-семь авиагрупп. Вместе с истребителями прикрытия каждая из них насчитывала около полусотни самолетов. Маршруты немцы выбирали разные, но при любом раскладе им приходилось преодолевать занятую нашими войсками территорию.

Предсказать путь каждого конкретного самолета я, конечно, не мог, но вычислитель, обработав массив информации обо всех перелетах в котел, выявил наиболее перспективные места для размещения позиционных районов ПВО, и теперь в среднем любая группа транспортников люфтваффе, пытающаяся прорваться к окруженным войскам, в трех случаях из пяти попадала в зону действия хотя бы одного из двенадцати моих зенитных полков.

На случай изменения немцами схемы полетов, в каждом из районов были подготовлены резервные позиции, на которые зенитчики могли быстро переместить свои 85-миллиметровые орудия. Естественно, одними пушками 52-к вооружение позиционных районов ПВО не ограничивалось. Зенитки среднего калибра, не слишком эффективные против низколетящих целей, были густо прикрыты автоматическими пушками более скромных калибров – тридцать семь и двадцать миллиметров.

Мое взаимодействие с дальномерными и радиолокационными постами, как обычно, в значительной мере было спектаклем, и я честно отыгрывал свою роль в этом театре одного актера. Для окружающих схема моей работы выглядела примерно так: первыми группы немецких самолетов засекали радиолокационные станции РУС-2 «редут». Они передавали на мой командный пункт данные о высоте, курсе и скорости цели. Дальше противника «подхватывали» посты ВНОС, и когда становилось понятно, в чью зону ответственности выходят «юнкеры», я приводил в боевую готовность соответствующий позиционный район ПВО.

Считалось, что, исходя из информации, поступающей мне от дальномерных и радиолокационных постов, я рассчитываю исходные данные для ПУАЗО и передаю их на батареи 85-миллиметровых зениток по радио в режиме телеграфа. В реальности все это, конечно, работать не могло, но я очень старался, чтобы моя бурная деятельность выглядела максимально реалистично. На самом деле, данные для ПУАЗО на батареи скидывал вычислитель через ближайший спутник. Для радистов, принимавших эти сигналы, и расчетов приборов управления зенитным огнем все выглядело вполне естественно, как и для бойцов и командиров, помогавших мне организовать работу на командном пункте. Вот только сигналы, естественно, проходили без всяких задержек и помех и корректировались вычислителем с учетом времени, необходимого на их ввод и обработку.

На развертывание и отладку системы ПВО ушло трое суток. Я внимательно следил за перемещениями немцев. Пока к началу, как обычной, так и химической атаки они готовы не были. По моим оценкам противнику требовалась еще примерно неделя, так что кое-какое время в моем распоряжении имелось, хотя, зная немцев, можно было ожидать от них удара и в более сжатые сроки.

– Товарищ подполковник, проверка закончена. Все каналы связи работают штатно. Можем переключать поток данных на вас.

– Включайте.

Я надел наушники и опустился на стул, вокруг которого на столах и прямо на полу была полукольцом установлена приемо-передающая аппаратура и телефонная станция. Вся эта электромеханическая машинерия мигала множеством неоновых ламп, пестрела шкалами приборов и соединялась между собой жгутами проводов. Сам я напоминал себе виденного давным-давно, еще в детстве, персонажа довольно забавной комедии про безумного профессора, провалившегося в прошлое вместе со своей ученицей.

Первый доклад последовал буквально через пару минут.

– «Крот», здесь «Сова-4». Есть сигнал! Цель групповая. Высота пять триста, скорость триста двадцать, удаление сто пять, курс...

За короткое время мне пришли доклады еще о двух группах немецких самолетов. На самом деле их было больше, но в поле зрения «редутов» попали не все. Что ж, первым предстояло вступить в бой позиционному району ПВО, расположенному южнее Вязьмы, а дальше работа ждала еще два зенитных полка, если, конечно, немцы не решат резко сменить курс. Впрочем, обычно они так не поступали, и я пока не видел причин для того, чтобы противник изменил своим привычкам.

– «Гюрза-2», здесь «Крот». На вас выходит группа «юнкерсов». Высота пять триста. Подлетное время девятнадцать минут. Приготовьтесь к приему данных для управления огнем.

* * *

К началу сражения за Москву обер-лейтенант Гейнц Бэр уже успел поучаствовать в Битве за Англию, где чуть не погиб, когда его поврежденный «мессершмитт» был добит выскочившим из облаков «спитфайром» и упал в воды Ла-Манша. На беду летчика эту не самую эпическую в его карьере сцену наблюдал с берега сам рейхсмаршал Геринг, не преминувший лично высказать Бэру, тогда еще унтер-офицеру, свое высочайшее неудовольствие. Однако после переброски на Восточный фронт Бэр быстро начал увеличивать счет своих воздушных побед, и уже в июле сорок первого был произведен в лейтенанты и награжден Рыцарским крестом, а в августе, когда число сбитых им самолетов перевалило за шестьдесят, получил и Дубовые листья к нему.

Задача по сопровождению медлительных транспортных самолетов агрессивному летчику-истребителю не нравилась. Ползущие плотной группой «юнкеры» ограничивали его возможности, привязывая к себе и не давая вести столь любимую обер-лейтенантом свободную охоту.

Тем не менее, должность командира группы позволяла ему определенные вольности. Атаки русских истребителей в последние дни происходили нечасто и носили скорее беспокоящий характер, поэтому Бэр приказал ведомому следовать за собой и, оторвавшись от остальных истребителей, поднялся на пару километров выше строя транспортников. В результате обер-лейтенант оказался в точке, очень удобной для наблюдения за прикрываемыми «юнкерсами» и окружающим небом. А наблюдать было за чем.

Сначала впереди, немного в стороне от их курса, на земле замелькало множество вспышек. Бэр знал, что у русских есть неплохие зенитки, теоретически, способные достать вражеский самолет на высоте до десяти километров. С немецкими 88-миллиметровыми «флаками» они, конечно, ни в какое сравнение не шли, но, случилось, доставляли пилотам люфтваффе неприятные минуты.

Сорок «юнкерсов», по-прежнему сохраняя строй, невозмутимо продолжали лететь вперед. С первого залпа русские, как правило, мазали, но, похоже, не в этот раз. Большинство разрывов легли правее и ниже строя транспортных самолетов, но примерно треть снарядов лопнули веерами осколков внутри их ордера.

Три Ju-52 задымили и начали со снижением покидать строй. Один из них вошел в разворот, а два других, видимо, получили более серьезные повреждения, и никаких маневров не предпринимали. Вскоре в небе за ними замелькали купола парашютов – экипажи покидали обреченные машины. Однако, все это обер-лейтенант отметил лишь мельком. Его внимание было приковано к уцелевшим транспортным самолетам.

Русские зенитки держали максимальный темп стрельбы. Для их калибра один выстрел в три секунды – очень неплохо. Били зенитчики залпами, и к ужасу Бэра, каждая следующая порция снарядов ложилась все более точно. Не выдержав избиения, «юнкерсы» сломали строй, пытаясь рассредоточиться, но с этим они явно опоздали – не менее половины транспортных самолетов уже летели к земле, густо дымя горящими двигателями или разваливаясь на куски прямо в воздухе.

Теперь обер-лейтенант понял, о чем говорил тот лощеный оберст из Абвера, инструктировавший пару дней назад всех командиров истребительных групп, выделенных для защиты воздушного моста. Бэр включил рацию, но в наушниках услышал лишь завывание помех. Качнув крыльями, он приказал ведомому следовать за собой и бросил «мессершмитт» в резкий разворот со снижением. В случае перебоев с радиосвязью приказ однозначно требовал от Бэра немедленно вернуться на аэродром и доложить координаты позиции русских зенитчиков, продемонстрировавших невиданную ранее точность стрельбы.

* * *

Доклад обер-лейтенанта Бэра о разгроме охраняемой его истребителями группы «юнкерсов» застал Рихтенгдена на резервном командном пункте второго воздушного флота люфтваффе. Выслушав командира группы прикрытия, полковник резко развернулся к дежурному офицеру. Сомнений больше не осталось – стрелок начал действовать.

– Гауптман, особую группу в воздух! Задача – атаковать позиции русских зениток южнее Вязьмы, – Рихтенгден сам забрал у связиста лист с точными координатами цели и протянул его офицеру люфтваффе.

Через десять минут двенадцать «мессершмиттов» и тридцать два пикирующих бомбардировщика Ju-87 были уже в воздухе. Впервые на Восточном фронте они несли в своих бомболюках не только фугасные, но и химические бомбы. Полковник хорошо понимал, что именно сейчас он совершает тот самый необратимый поступок, который может изменить весь расклад сил в этой войне. Конечно, его план был согласован на самом верху, но идею выдвинул он и решающий приказ тоже сорвался именно с его уст, а значит, и ответственность за последствия тоже предстоит нести, прежде всего, ему.

Семь минут прошли в напряженном ожидании, которое внезапно было прервано резким зуммером телефона.

– Герр оберст, на связи штаб восьмого авиакорпуса.

– Слушаю, – бросил в трубку полковник.

– Герр оберст, докладывает гауптман Майер. Сопровождаемая моей эскадрильей группа «хейнкелей» попала под удар русских 85-миллиметровых зенитных орудий, потеряла более половины машин и была рассеяна. В соответствии с приказом, о подобных случаях я должен немедленно сообщить...

– Я уже в курсе, гауптман. С этими зенитками под Вязьмой скоро будет покончено.

– Простите, герр оберст, вы сказали под Вязьмой? Моя авиагруппа попала под огонь русских северо-восточнее Ржева.

– Ржева? Вы уверены, гауптман?

– Нам удалось засечь позиции зениток. Они находятся примерно в тридцати километрах от внешнего фронта окружения. Готов сообщить точные координаты.

– Благодарю, гауптман, – бесцветным голосом произнес Рихтенгден, – координаты у вас примет дежурный связист.

Секунд пятнадцать полковник обдумывал полученную информацию, а потом перевел взгляд на офицера люфтваффе.

– Мне нужна связь с особой группой. Срочно! Они должны немедленно вернуться на аэродром!

– Связи нет, герр оберст, – доложил через минуту дежурный офицер, – эфир опять забит этими аномальными помехами...

Договорить гауптман не успел – его прервал еще один сигнал вызова. Рихтенгден медленно обернулся к связисту.

– Герр оберст, на связи обер-лейтенант Айхенвальд, третья истребительная эскадрилья восьмого авиакорпуса.

Полковник молча взял трубку, уже понимая, что он сейчас услышит.

* * *

Взлет почти пяти десятков немецких самолетов с двух близко расположенных аэродромов расчеты «Рудутов» засечь не смогли, зато вычислитель сразу обратил мое внимание на то, что происходит нечто, выбивающееся из обычной схемы действий противника.

Эта новая авиагруппа состояла исключительно из истребителей и пикирующих бомбардировщиков. Ни одного транспортного самолета в ней не имелось, а значит, и задачи она должна была решать весьма далекие от снабжения

окруженных немецких армий.

Через пару минут, когда самолеты противника окончательно собрались вместе и легли на курс к Вязьме, их намерения стали мне предельно ясны. В отличие от транспортников, пикировщики держались низко, стараясь прижиматься к земле, чтобы снизить вероятность обнаружения радиолокаторами и постами ВНОС.

– «Гюрза-2», здесь «Крот». С юго-запада к вам приближается группа пикирующих бомбардировщиков под прикрытием мессеров. От тридцати до сорока Ju-87. Подлетное время двенадцать минут.

– «Крот», здесь «Гюрза-2». Информацию приняли. Ждем указаний.

– Сменить позиции вы не успеете – вас застигнут на марше. Приготовиться к отражению атаки. Пушкам 52-к принять данные для ведения заградительного огня. Малые калибры открывают огонь при визуальном контакте с противником.

Больше помочь зенитчикам я ничем не мог. Мой командный пункт находился почти в сотне километров от их позиций, и мне оставалось только, сжав кулаки, наблюдать с орбиты за разворачивающимся сражением.

Эта группа пикирующих бомбардировщиков была явно домашней заготовкой противника. Видимо, немцам опять удалось в какой-то мере просчитать мои действия. Во всяком случае, они явно заранее готовились к тому, чтобы пресечь попытку разрушить воздушный мост в Московский котел. Вот только правильное ли средство они для этого выбрали? Посылать пикирующие бомбардировщики в атаку против нашпигованного автоматическими пушками позиционного района ПВО – решение довольно спорное. Потери неизбежно будут с обеих сторон, причем потери немалые. Судя по тому, как заходят на цель немцы, люфтваффе собрало в ударную группу далеко не новичков, и совершенно неясно, почему немцы готовы так рисковать своими лучшими пилотами.

На заградительный огонь 85-миллиметровых пушек я особо не рассчитывал. Тем не менее, как только немецкие самолеты пересекли невидимую черту пятнадцатикилометровой дистанции до позиций зенитчиков, орудия 52-к залпом отправили в их сторону шестнадцать осколочных снарядов – если и не сбить, то, по крайней мере, нарушить строй и заставить пилотов противника нервничать.

За три минуты, потребовавшихся немецким самолетам, чтобы добраться до зениток, батарея успела сделать два десятка залпов. Теоретически, стрелять можно было и быстрее, но немцы меняли курс, маневрировали и требовали от зенитчиков постоянной коррекции прицела. К моему удивлению их усилия не пропали даром – два пикировщика рухнули в лес и исчезли в огненных вспышках сдетонировавших авиабомб.

Первыми в атаку вышли «мессершмитты». Двенадцать самолетов, вооруженных как истребители-бомбардировщики, стремительно выскочили из-за деревьев ближайшего перелеска и обрушили на позиции зенитчиков десятки мелких осколочных бомб. Однако неожиданностью для расчетов автоматических пушек появление противника не стало – предупреждение о предстоящей атаке они получили заранее, как и информацию о направлении, с которого ожидается удар.

Навстречу «мессерам» потянулись огненные трассы, сразу перечеркнувшие две машины и заставившие сойти с боевого курса еще пять истребителей. Немецкие самолеты прошли низко над позициями пушек, стреляя из пулеметов и сбрасывая бомбы. Осколки с воем рвали воздух и собирали свою смертельную дань, но пушки стояли в окопах, и это отчасти снижало эффективность бомбардировки. Стволы орудий развернулись вслед выходящим из атаки истребителям. Один самолет взорвался прямо в воздухе, еще два получили повреждения и были вынуждены выйти из боя.

Атака мессеров стала лишь прелюдией. Почти сразу за ними над позициями зенитчиков появились пикирующие бомбардировщики. Для захода на цели им нужно было сначала набрать высоту, что потребовало некоторого времени, поэтому их удар последовал позже атаки истребителей. Зато теперь на головы зенитчиков почти отвесно падали три десятка «юнкерсов», оглашая округу вынимающим душу воем.

Бой превратился в первозданный хаос. Пикировщики взрывались в воздухе, кувыряясь падали на окопы зенитчиков, так и не сбросив свой смертоносный груз, но большинству бомбардировщиков все же удалось прорваться сквозь плотный огонь и сбросить бомбы.

Плотность зенитного огня заметно снизилась, но позиционный район ПВО был еще далеко не уничтожен, когда я увидел нечто, заставившее меня до боли сжать кулаки. Вычислитель подал тревожный сигнал и подсветил мигающим

оранжевым цветом облака белесого тумана, быстро растекающегося от мест падения бомб. Слева, на краю поля зрения, высветилась химическая формула и краткая справка о примененном немцами газе. Это было нечто, не использовавшееся ранее ни одной страной мира. Никакого иприта, хлорциана, люизита, фосгена или адамсита. Зарин! Страшный нервно-паралитический газ, поражающий нервную систему, заставляющий мышцы непроизвольно сокращаться, вызывающий остановку дыхания и полную потерю жертвой контроля над всеми функциями организма.

Там, где над землей распространялись облака газа, огонь уцелевших под бомбами зениток мгновенно стихал, и к моменту, когда оставшиеся в строю девятнадцать пикировщиков начали второй заход на цели, по ним стреляли только отдельные малокалиберные пушки, до которых еще не добрались облака газа.

– «Крот», здесь «Гюрза-2». Нас атакуют неизвестными боевыми газами! Мы потеряли расчеты орудий среднего калибра. Липкая взвесь...

Через четыре минуты после начала атаки огонь с земли прекратился полностью. В условиях морозного безветрия вся позиция зенитчиков была накрыта клубящимися облаками ядовитого тумана, затекающего в окопы и блиндажи, и не оставляющего шансов на выживание никому, кто попал в зону химического заражения.

– «Гюрза-2», ответьте «Кроту»! – продолжал вызывать зенитчиков дежурный связист.

– Отставить, старший сержант, – охрипшим голосом остановил я радиста, – они не ответят. Мне нужна связь с генштабом. Немедленно!

Немедленно не получилось, но минут через десять я услышал в трубке обеспокоенный голос Шапошникова:

– Докладывайте, подполковник.

– Товарищ маршал, случилось то, о чем я вас предупреждал. Positionный район «Гюрза-2» подвергся атаке пикирующих бомбардировщиков, вооруженных химическими бомбами. Боюсь, там никто не выжил. Видимо, это что-то новое.

Противогазы, практически не помогают, хотя вряд ли многие успели их надеть.

Шапошников молчал, а я пытался ответить себе на простой вопрос: «почему немцы ударили химией по зенитчикам?». Ответ напрашивался только один – на самом деле они хотели достать меня, и если бы я действительно находился на позиции 85-миллиметровых пушек, у них бы, скорее всего, это получилось. С такой дозой нервно-паралитической отравы даже мой организм мог не справиться, особенно в ситуации, когда вытащить меня из зоны заражения было бы некому. Используя зарин, противник раньше времени раскрыл свои планы, но, видимо, немцы считали, что цель того стоит.

Глава 3

– Как отреагировали послы Великобритании и САСш на наше обращение?

– Выразили большую обеспокоенность, товарищ Сталин, – досадливо поморщился министр иностранных дел СССР Молотов, – и пообещали в кратчайшие сроки сообщить нам позицию Лондона и Вашингтона. На американцев, по-видимому, надежды мало. После удара японцев по Перл-Харбору и высадки Императорской армии на Филиппинах им, мягко говоря, не до нас. Судя по всему, за океаном опасались, что сразу после начала войны с самураями им объявит войну и Германия, однако пока этого не произошло, и спровоцировать Гитлера Рузвельт однозначно не захочет[1 - В реальной истории Германия объявила войну Соединенным Штатам Америки 11 декабря 1941 года – практически сразу после нападения Японии на Перл-Харбор и высадки японских войск на Филиппинах. В реальности книги вермахт оказался в гораздо более тяжелой ситуации на Восточном фронте, и Гитлер воздержался от столь опрометчивого шага.].

– При текущем положении под Москвой и начавшемся наступлении англичан в Северной Африке Гитлеру только войны с Соединенными Штатами и не хватало, – в голосе Сталина прозвучало раздражение. – Зря Рузвельт опасается, хотя, возможно, это только повод для отказа нам в действенной помощи. А что вы, товарищ Молотов, думаете о перспективах вступления в химическую войну Великобритании?

– Здесь все сложнее, товарищ Сталин. Воздушную битву за Британию немцы проиграли, но вряд ли Черчилль захочет подвергать свои города риску химических бомбардировок. Оттянув на себя танковые части Африканского корпуса, мы резко облегчили положение англичан в Египте и Ливии, и теперь Черчилль торопится переломить в свою пользу ход войны в Африке. Новые проблемы ему совершенно не нужны, особенно с учетом атаки японцев на порт Гонконг и возникновения реальной угрозы Сингапуру и всей Британской Малайе. Десятого декабря британский флот потерял в Южно-Китайском море линкор «Принц Уэльский» и линейный крейсер «Рипалс». Японцам эта победа стоила гибели всего трех самолетов, так что у англичан и американцев хватает своих забот. Как бы они сами к нам за помощью обращаться не начали[2 - После внезапного нападения Японии на США Рузвельт действительно обращался к Сталину с просьбой помочь в борьбе с японским агрессором. Первая беседа президента США с послом СССР состоялась в Вашингтоне на следующий день после удара японцев по Перл-Харбору. Рузвельт хотел, чтобы СССР предоставил США возможность наносить с территории Советского Союза авиаудары по японской метрополии. Однако это означало бы нарушение пакта о нейтралитете, подписанного в апреле 1941 года между Советским Союзом и Японией и неизбежно привело бы к состоянию войны между СССР и Японией. Сталин был вынужден отказать Рузвельту, ссылаясь на вышеуказанный пакт и на то, что СССР в настоящее время ведет тяжелую войну с Германией, которая требует сосредоточения всех сил и средств. Получив отрицательный ответ, Рузвельт заявил послу СССР, что сожалеет о таком решении, но на месте Советского Союза поступил бы так же.] – у них там сейчас ситуация примерно, как у нас в июне.

Вождь медленно кивнул и переключился на другую тему:

– После газовой атаки позиций зенитчиков под Вязьмой другие факты применения немцами химического оружия зафиксированы?

– Нет, товарищ Сталин, – вступил в обсуждение Жуков, – однако данные разведки весьма тревожные. Налицо все признаки подготовки противника к ведению боевых действий в условиях химического заражения местности.

– Насколько мы к этому готовы? – Сталин перевел взгляд на Шапошникова.

– Пока в средствах химзащиты противник нас сильно опережает, – не стал приукрашивать реальное положение дел начальник генштаба, – но работа

ведется. Все необходимые распоряжения были отданы сразу после обсуждения в Ставке выводов подполковника Нагулина об угрозе применения немцами боевых отравляющих веществ.

- Что-то слишком часто фамилия Нагулин стала звучать в этом кабинете, - неопределенно усмехнулся Вождь, - Вы не находите, товарищи?

- С учетом его роли в ключевых событиях на фронте, это не выглядит чем-то особенным, - осторожно ответил Шапошников.

- Возможно, - кивнул Сталин, - однако результаты его действий против воздушного моста люфтваффе пока не выглядят столь же впечатляющими, как предыдущие операции, хотя некоторые успехи, определенно, имеются.

- Вряд ли кто-то другой на его месте справился бы лучше, - неожиданно встал на защиту Нагулина Жуков, обычно скептически относившийся ко всем начинаниям этого не вполне понятного ему человека, - Противодействие противника слишком велико, а ресурсы крайне ограничены.

Сталин, похоже, тоже не ожидал от Жукова подобных слов и был несколько удивлен единодушием командующего Западным фронтом и начальника генерального штаба.

- Когда Клейст нанесет удар? - Вождь неожиданно сменил тему, на время «забыв» о подполковнике Нагулине.

- Возможно, уже завтра, товарищ Сталин, - после секундной паузы ответил Жуков. - Крайний срок - через два дня.

* * *

«Воздушный мост» Геринга трещал, раскачивался, но окончательно разваливаться никак не желал. Проблем я люфтваффе подкинул немало, но имевшихся в моем распоряжении сил и средств все же оказалось явно недостаточно, а дополнительные взять было неоткуда.

Немцы довольно быстро сообразили, что летать плотным строем на максимальной высоте – верное самоубийство, и от этой тактики незамедлительно отказались. Повторять атаки на позиционные районы ПВО противник не спешил. Видимо, понесенные потери произвели на командование люфтваффе большое впечатление, и терять такими темпами самолеты и, что важнее, квалифицированных пилотов, оно было не готово. Тем не менее, сам факт химической атаки на позиции зенитчиков заставил нас принять экстренные меры. Расчеты пришлось тренировать ведению огня в противогазах и противоипритных накидках, что сильно сказывалось на скорости их работы и, как следствие, на результатах стрельбы. Для защиты от зарина этого было явно недостаточно, но никаких других средств в распоряжении химвойск РККА все равно не имелось, а если что и было, то совсем не в нужных количествах.

В какой-то мере, я был даже рад тому, что противник начал применение химического оружия сразу с самого опасного газа. Это дало мне возможность в категоричной форме заявить Шапошникову, что если советская промышленность немедленно не освоит выпуск общевойсковых защитных костюмов, никаких шансов выиграть химическую войну у нас не будет. Не то чтобы ОЗК у нас совсем не было, но их количество измерялось в считанных сотнях штук, да и те, что были, изготавливались в основном на основе ткани, пропитанной олифой, что давало весьма условную защиту от серьезных отравляющих веществ.

В отличие от меня, ни Сталин, ни Шапошников, ни остальные советские военачальники не знали, что у Гитлера зарина больше нет, как нет и промышленных мощностей для его производства. Сообщать им об этом обнадеживающем факте я не торопился – зачем лишать руководство страны такого прекрасного стимула в вопросе совершенствования средств химзащиты?

Посмотрев, что в этом направлении уже сделано у нас и в мире, я обратился к Шапошникову с предложением использовать для массового изготовления защитных костюмов разработанную лет пять назад двойную прорезиненную ткань СК-1. В этот раз начальник генштаба ничуть не удивился, что я опять пытаюсь решать подобные вопросы через него, без вопросов забрал папку с документацией по ОЗК и отправил меня обратно под Вязьму продолжать выполнять задание ставки по противодействию снабжению немецких войск в Московском котле.

Убедившись, что химическая атака привела к уничтожению одной зенитной части, но не решила возникшую проблему с избиением «юнкерсов», идущих

плотными группами на большой высоте, немцы попытались перейти к тактике ночных полетов. Успеха им это не принесло. Ясные морозные ночи позволяли мне наводить на немецкие транспортные самолеты наши ночные истребители, в качестве которых совершенно неожиданно неплохо проявили себя штурмовики Ил-2. Их скорости вполне хватало для борьбы с медлительными транспортными самолетами, а мощное вооружение и серьезная броня позволяли не бояться ответного огня «юнкерсов».

Несмотря на потери, люфтваффе от идеи воздушного моста не отказалось. Теперь транспортники летали днем на низких высотах, пытаясь прорваться к окруженным одиночными самолетами или небольшими группами. Противостоять такой тактике оказалось сложнее – слишком много целей висело в небе одновременно, особенно если учитывать многочисленные «мессершмитты», пытавшиеся быть сразу везде, чтобы не дать советским истребителям охотиться на «юнкерсы» и «хейнкели».

При таком раскладе позиционные районы ПВО оказались больше не нужны, и я вновь более-менее равномерно распределил зенитную артиллерию по всей западной части кольца окружения. Фактически, я сделал все, что мог. Немцы потеряли за четверо суток почти три сотни транспортных самолетов. Поток грузов в Московский котел упал вдвое и продолжал сокращаться. Делать здесь мне больше было нечего, но отданный мне приказ никто пока не отменял. Я приготовился ждать, но противник сам решил все за меня.

В последний раз взвесив все «за» и «против», Эвальд фон Клейст пришел к выводу, что тянуть дальше нет никакого смысла. На урезанном пайке группа армий «Центр» с каждым днем все сильнее слабела и замерзала в Московском котле, а все, что Фюрер мог выделить для усиления первой танковой группы, Клейст уже получил.

Двадцать первого декабря пять танковых и три моторизованных дивизии вермахта перешли в наступление севернее Вязьмы. Перед атакой в войсках было распространено обращение Фюрера:

«Солдаты, перед вами сто пятьдесят километров промерзшей земли, из последних сил удерживаемой русскими армиями, а за ней – ваши камрады, которые ждут помощи и верят в ваш негибимый боевой дух! В этот раз у вас есть только один путь – пойти вперед и победить! Настала пора отбросить все ограничения, которые в довоенное время пытались наложить на нас враги. У нас

есть оружие, способное опрокинуть большевистские орды и обратить их движение вспять, и мы применим его здесь и сейчас! Встречать Рождество вы будете уже вместе с героическими воинами группы армий «Центр»!

Я видел, как по ночам выдвигаются на исходные позиции танки, штурмовые орудия, бронетранспортеры и артиллерия. Немцы учли уроки ноября и старались не создавать районов с высокой концентрацией войск. Поделаться с этим я ничего не мог – приказ Ставки связывал меня по рукам и ногам, но двадцатого декабря ближе к вечеру я все же не удержался и позвонил Шапошникову.

– Товарищ маршал, немцы перейдут в наступление завтра на рассвете. Главный удар последует по линии Холм-Жирковский – Гжатск. Вспомогательные – в районе Вязьмы и Ржева. Артподготовка будет комбинированной – химия и обычные снаряды. На направлении главного удара противник применит только летучие газы, не задерживающиеся на местности, чтобы самим не пострадать от собственной химии во время атаки. Скорее всего, фосген и хлорциан, причем последний вероятнее – у него меньше период скрытого действия и противогазы старых моделей против него малоэффективны. У немцев мало пехоты, и для прикрытия флангов прорыва они будут активно использовать стойкие отравляющие вещества – различные смеси на основе иприта и люизита.

На несколько секунд в телефонной трубке повисло молчание.

– Товарищ Нагулин, это данные разведки или ваши собственные аналитические выводы? – в голосе Шапошникова слышалось напряжение.

– Аналитические выводы, товарищ маршал.

В разговоре возникла еще одна пауза.

– Вы абсолютно уверены, что не ошиблись в своих расчетах? – не пытаясь скрыть тяжелый вздох, уточнил начальник генштаба.

– Абсолютно.

– А зарин?

– Возможно, и зарин, но вряд ли в больших количествах.

– Я вас услышал, подполковник. В случае подтверждения вашей информации будьте готовы немедленно выехать в Москву. Ждите приказа.

* * *

Внешний фронт окружения рухнул и рассыпался, как карточный домик. Я боялся чего-то подобного, но столь сокрушительного эффекта все же не ждал. Получив в свои руки новое оружие, фон Клейст решил применить его на полную мощь, чтобы максимально использовать эффект внезапности, хоть тот и был несколько подпорчен неудачной операцией Абвера с применением бомб с заринном.

Химическими боеприпасами Клейста снабдили в избытке, причем разных типов, под все мыслимые задачи, и за час до рассвета вермахт впервые в этой войне приступил к массированному применению боевых отравляющих веществ.

Первыми вступили в бой тяжелые гаубицы и авиация. На передний край двух стрелковых дивизий Калининского фронта обрушились тысячи фугасных снарядов и бомб с щедрой примесью боеприпасов, снаряженных фосгеном и хлорцианом.

Боевые газы быстро рассеивались по местности, отравляя тех красноармейцев, кто вовремя не успел надеть противогазы. Конечно, после приказа Ставки и особенно после газовой атаки на зенитчиков готовность советских войск к химической войне была повышена, но бойцы, никогда раньше не использовавшие противогазы в бою, не успели вовремя отреагировать на опасность. У многих противогазы оказались плохо пригнанными или неисправными, а в некоторых случаях просто отсутствовали.

Смерть товарищей от пуль и осколков за прошедшие полгода войны стала для красноармейцев зрелищем привычным, но гибель от отравления – дело совершенно иное, ранее невиданное и страшное. К моменту начала немецкой атаки моральный дух советских бойцов оказался, мягко говоря, не на высоте. Местами вспыхнула откровенная паника, и перешедшие в наступления немецкие танки прорвали первую полосу обороны практически без сопротивления.

Атаке летучими газами, практически не задерживающимися на местности и быстро рассеивающимися даже от легкого ветра, подверглись только советские войска на центральном участке прорыва. На флангах немцы применяли совершенно иную тактику. Здесь в дело пошли иприт и люизит в виде специальных зимних смесей, не дающих этим ядовитым жидкостям замерзнуть на морозе.

Помимо бомб и снарядов немецкие бомбардировщики широко использовали выливные авиационные приборы, создавая за летящими самолетами широкие полосы зараженной местности. Господство в воздухе истребителей люфтваффе и дезорганизованные химическим ударом средства ПВО не позволили советской стороне пресечь эти действия, и по флангам рвущейся вперед танковой группы Клейста образовались зоны химического заражения, пропитанные ядовитыми веществами кожно-нарывного действия.

Для защиты от иприта и люизита противогаза совершенно недостаточно. Их основная цель – кожные покровы солдат противника. У попавших под удар красноармейцев в комплекте снаряжения имелись противоипритные накидки, но их эффективность в реальных боевых условиях оказалась крайне низкой, особенно в случае комбинированного удара химией и обычными боеприпасами.

О каком-либо осмысленном сопротивлении в зараженных зонах речи не шло. Уцелевшие бойцы стремились как можно быстрее покинуть подвергшуюся химическому удару местность, без приказа оставляя позиции. Впрочем, немцы тоже не торопились занимать оставленные красноармейцами окопы. Цель у них была совершенно иной – воспрепятствовать советским контрударам под основание выступа, образовавшегося в результате прорыва фронта и развития наступления танковыми дивизиями панцерваффе.

Позиции на флангах ушедших вперед танковых соединений занимали пехотные дивизии вермахта, укрепляясь на границах залитых ипритом и люизитом территорий и прикрывая их огнем, не позволяющим советским химвойскам проводить дегазацию местности.

После прорыва первой полосы обороны за спиной наступающих немецких войск сосредоточились два полка «небельверферов». Впервые эти реактивные системы залпового огня использовались по прямому назначению – для стрельбы химическими боеприпасами.

Вторая и третья полосы обороны были прорваны немецкими танками к середине дня. Здесь сопротивление советских войск оказалось более упорным, но остановить наступление противника все равно не удалось. Пока избранная Эвальдом фон Клейстом тактика приносила его дивизиям успех.

* * *

В Москву я прибыл через четыре часа после начала немецкого наступления. Шапошников решил не дожидаться, пока я доберусь самостоятельно и прислал за мной самолет. Судя по мрачному виду начальника генштаба, настроение в ставке царило подавленное.

– Вы вновь оказались правы, подполковник, – без предисловий начал маршал, – Время и место удара танков Клейста вы указали точно, равно как и примененные врагом методы использования химического оружия.

– Остановить противника удалось? – задал я прямой вопрос, прекрасно зная ответ.

– Танковые и моторизованные части Клейста продвинулись на тридцать-сорок километров и продолжают теснить наши войска, – Негромко произнес Шапошников и повернулся к карте. – Две стрелковые дивизии, прикрывавшие направление на Гжатск, практически полностью уничтожены. После вашего вчерашнего доклада я приказал перебросить к угрожаемому участку четыре танковых бригады. Это почти половина наших подвижных резервов, но бросать их в бой в лоб на превосходящие в численности танки Клейста нет никакого смысла – только людей и технику потеряем. А с флангов не ударить – все залито химией. Хорошо хоть немцы в котле пока ведут себя тихо. Видимо, у них просто нет горючего на стокилометровый марш с боями, но как только Клейст подойдет ближе, они ударят ему навстречу.

Я молча смотрел на карту. Похоже, вчера моим словам все-таки до конца не поверили. Не уверен насчет Шапошникова, но остальные члены Ставки во главе со Сталиным, видимо, отнеслись к моей информации настороженно, иначе резервов к месту предстоящего прорыва стянули бы заметно больше. Вот только не факт, что это бы сильно помогло.

Здесь и сейчас немцы были объективно сильнее. Клейст – грамотный танковый командир, хорошо понимающий, что такое маневренная война. Это вам не Гёпнер, которому поручили руководить танковой группой только потому, что лучшей кандидатуры с соответствующими задаче погонами просто не нашлось, и даже не индивидуалист Роммель, способный нормально исполнять только сольские партии на изолированных театрах военных действий и совершенно не признающий интересы соседей по фронту, если они у него вдруг появляются. Клейст вцепится мертвой хваткой и будет рваться вперед, пока не добьется своей цели. А чем воевать у него есть. Пять танковых дивизий, пусть и потрепанных в боях за Донбасс, но неплохо пополненных и приведенных в порядок – очень грозный противник для советских армий, замкнувших Московский котел буквально из последних сил. И это только танки, а сразу за ними идут элитные моторизованные дивизии СС «Викинг» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Последняя, кстати, мне знакома – имел удовольствие повстречаться с ней еще под Уманью.

– Я хотел бы услышать ваше мнение по сложившейся ситуации, – нарушил молчание Шапошников, так и не дождавшийся от меня комментариев. – Вы, похоже, неплохо понимаете логику немецкого командующего, раз вам удалось столь точно предсказать его действия.

Да, крепко здесь всех припекло, раз начальник генштаба открыто просит совета у подполковника, пусть и не самого обычного. Оно и понятно – кому охота выпускать из рук уже, казалось бы, одержанную грандиозную победу.

Пока я добирался до Москвы, времени на анализ ситуации у меня было достаточно, вот только ресурсов для исправления все ухудшающейся ситуации в распоряжении РККА осталось уж слишком мало.

Ни по термитным снарядам, ни по боеприпасам объемного взрыва за прошедшую неделю далеко продвинуться не удалось. Результаты, конечно, были. Наркомат генерала Устинова бросил на эти разработки все мыслимые силы, но пока готовы были лишь первые опытные образцы, испытания которых еще только начинались. Ну а о крылатых ракетах пока даже думать было рано. Там столько пришлось переделывать, что Королев вряд ли мог вывести на испытания первые изделия раньше, чем через пару месяцев. Проблему следовало решать теми средствами, которые уже имелись в нашем распоряжении.

– Товарищ маршал, я полностью согласен с вашим выводом о том, что встречным ударом нам танки Клейста не остановить. Их нужно выбивать упорной обороной, насыщенной противотанковыми средствами, а наши контрудары могут иметь эффект только если мы будем их наносить по флангам.

– Но там же ипритом все залито! – перебил меня Шапошников.

– Борис Михайлович, нам нужно пробить коридоры в полосах химического заграждения. Как только мы это сделаем, химвойска проведут дегазацию. Чего-чего, а хлорной извести и других спецрастворов у них накоплено немало. Важно, чтобы немцы не имели возможности вести по химикам прицельный огонь. Перед отправкой меня под Вязьму вы упоминали о двух формирующихся под Калининским танковых бригадах. Уезжая, я подал вам рапорт с просьбой усилить их подразделениями химвойск и насытить защитными средствами сверх штата, включая все доступные костюмы химзащиты.

– Я отдал соответствующие распоряжения, – кивнул Шапошников. – Вы хотите использовать для контрударов эти соединения?

– По большому счету, они для этого совершенно не готовы и наверняка понесут большие потери, но ничего более подходящего у нас просто нет. Для прикрытия полос химического заграждения немцы оставили относительно слабые пехотные дивизии. Чем дальше продвигаются танки Клейста, тем сильнее растягиваются их фланги и тем слабее заслоны. Вновь сформированные танковые бригады должны преодолеть зараженную территорию и сохранить боеспособность для атаки на позиции немецкой пехоты. Сразу за ними пойдут химики со своими машинами для дегазации местности и обеспечат проходы для войск, защищенных только противогАЗами и противоипритными накидками. Немцы наверняка будут продолжать применять химические боеприпасы, чтобы закрыть пробитые нами бреши в их обороне. Это повлечет за собой новые потери, но другого способа остановить продвижение Клейста я не вижу.

Шапошников в задумчивости прошелся вдоль стены с картой.

– Ставка отклонила ваше предложение воздержаться от ответного применения химического оружия, – неожиданно сменил тему начальник генштаба. – В условиях тотального дефицита обычных боеприпасов мы просто не можем себе этого позволить, да и сама мысль не отвечать ударом на удар не нашла

понимания у руководства страны. Сегодня до конца дня наша авиация и артиллерия приступит к обработке войск противника снарядами и бомбами с отравляющими газами. Возможно, это позволит замедлить продвижение танковых дивизий Клейста.

– Не замедлит, товарищ маршал. Они давно к этому готовы и знают, на что мы способны. Если уж применять химическое оружие, то не против Клейста, полностью оснащенного для ведения химической войны, а против немцев в котле. В отличие от первой танковой группы, их оснащали средствами химзащиты на минимально достаточном уровне, а при отступлении от Москвы эти «ненужные» грузы бросались войсками противника в первую очередь, и теперь они вряд ли готовы к химическим атакам. Нам ведь нужно предотвратить удар из котла навстречу Клейсту? Обработка ипритом переднего края немецкой обороны на внутреннем фронте окружения очень этому поспособствует. Без дегазации пехота не сможет преодолеть зараженные территории, а нужных реагентов у окруженных войск почти наверняка нет.

Это для Шапошникова я сказал «почти наверняка». Сам же я точно знал о том, как у Роммеля, Гота и Гёпнера обстоят дела со средствами химзащиты и дегазации. Никак они у них не обстоят – все, кроме противогазов брошено или потеряно при отступлении.

– Возможно, в этом действительно есть рациональное зерно, – кивнул маршал, – но сейчас главной задачей Ставка видит остановку дальнейшего продвижения первой танковой группы противника. Товарищ Нагулин, вы сможете повторить опыт Рогачевского шоссе? Тогда ваши гранатометные роты совместно с людьми генерала Захарова смогли задержать танки Роммеля и нанести им весьма значительные потери, и это в условиях окружения. Сейчас мы имеем возможность выделить вам для решения этой задачи намного больше сил.

– Не получится, – я постарался ответить как можно тверже, – В районе Рогачевского шоссе немцы были сильно стеснены условиями местности и зажаты в лесных «коридорах». Одно дело при помощи концентрации всех сил оборонять полтора-два километра фронта на заранее подготовленных позициях, и совсем другое – удерживать сорокакилометровую полосу на наспех оборудованных рубежах обороны, да еще и войсками, не имеющими реального опыта химической войны и надежных средств защиты от отравляющих веществ кожно-нарывного действия. Позиционная оборона в данном случае нам точно не поможет. Нужен успешный контрудар, который заставит Клейста остановить

наступление и развернуть свои танки для парирования угрозы с флангов.

– А если Клейст не остановится и продолжит углублять прорыв, понадеявшись на то, что его пехотные дивизии и авиация не дадут нам развить успех?

– Значит, в Московском котле окажется еще один известный немецкий генерал вместе со своей армией, – я позволил себе злую усмешку. – Допустим, Клейсту удастся пробиться к группе армий «Центр». А дальше-то что? Снова прорываться назад через закрытый нами коридор, обильно политый ипритом? Его танковая группа – последняя по-настоящему подвижная армия вермахта на Восточном фронте. Никогда ее командующий не будет так рисковать и давать нам возможность перерезать свои коммуникации и линии снабжения. А чтобы Клейсту не слишком хотелось рваться вперед без оглядки, нужно, пока не поздно, перебросить на Гжатское направление все сформированные наркоматом товарища Берии гранатометные роты. На Рогачевском шоссе они очень хорошо себя показали. Остановить пять танковых дивизий им, конечно, не под силу, но танков гранатометчики выбьют много и продвижение противника замедлят, а там немцы и сами остановятся, когда мы в их тылы выходить начнем.

– Я смотрю, вы, подполковник, ни секунды не сомневаетесь в успехе фланговых контрударов через зараженную ипритом и люизитом территорию. Откуда такая уверенность?

– Товарищ маршал, моя уверенность опирается на план, составленный исходя из анализа сложившейся ситуации. Я считаю, что необходимо создать сильную группу прорыва, сосредоточив в ней наиболее подготовленные к химической войне соединения и все имеющиеся в резерве танки. Только в этом случае мы сможем срезать образовавшийся выступ или создать настолько значимую угрозу коммуникациям Клейста, что он будет вынужден сосредоточиться на ее отражении, отказавшись от выполнения основной задачи, – я подошел к карте и взял в руку указку. – С юга я предлагаю нанести вспомогательный контрудар силами Брянского фронта, а главные усилия сосредоточить на северном фланге Клейста, перейдя в контрнаступление со стороны Сычёвки с задачей перерезать линии снабжения первой танковой группы вермахта.

– То, что вы предлагаете – явная авантюра. Нам придется поставить все на один удар. Если он не принесет успеха, остановить Клейста нам будет уже просто нечем.

– Борис Михайлович, вы же сами понимаете, что, бросая резервы под танковый каток Клейста, мы его все равно не остановим. Разве что, немного задержим продвижение противника, но все с тем же катастрофическим результатом в конце.

– Я повторяю вопрос, – с нажимом произнес Шапошников, – почему вы так уверены в успехе контрудара?

– Товарищ маршал, я прошу вашего разрешения возглавить передовую группу прорыва – те самые танковые бригады, усиленные химвойсками. На месте я смогу точно определить наиболее слабый участок немецкой обороны. Мы пробьем коридор в химическом заграждении, а дальше армии Калининского фронта разовьют успех. Немцы не верят в нашу способность эффективно действовать в зоне химического заражения, и удара по своему северному флангу они не ждут. Нельзя упускать такую возможность. Вполне вероятно, что другого шанса у нас просто не будет.

Глава 4

Гитлер нервно прохаживался вдоль длинного стола, застеленного картами. Мрачный интерьер большого зала для совещаний был выдержан в стиле средневекового замка. Обычно Фюреру такая обстановка нравилась, но сейчас он испытывал нарастающее раздражение.

– Беспрецедентная концентрация усилий на Московском направлении заставила нас снять лучшие дивизии с других участков фронта, особенно из-под Ленинграда и с юга России, – продолжал доклад генерал Гальдер. – Это дало возможность противнику предпринять ряд наступательных операций, эффективно противостоять которым наши ослабленные части оказались не в состоянии. Под Ленинградом советские войска предприняли контрнаступление против группы армий «Север». Под угрозой окружения дивизии фон Лееба были вынуждены оставить Тихвин и отойти на западный берег реки Волхов. По причине отсутствия резервов, переброшенных для усиления войск фон Клейста, русским удалось в нескольких местах переправиться через реку и закрепиться. Наиболее тяжелое положение сложилось на Киришском плацдарме, который наша шестнадцатая армия пыталась удержать на восточном берегу. Противнику

удалось заставить генерал-фельдмаршала фон Лееба эвакуировать плацдарм. При отступлении попала в окружение часть наших войск, защищавших Кириши[3 - В реальной истории в ходе Тихвинской стратегической наступательной операции, длившейся до конца декабря 1941 года, Кириши взять не удалось, а Киришский плацдарм на восточном берегу Волхова удерживался немцами еще почти два года и являлся серьезной угрозой для Красной армии ввиду возможности возобновления немецкого наступления в сторону реки Свирь для соединения с финскими войсками.]

Все это Гитлеру было известно, но перебивать начальника генерального штаба он не стал. Еженедельный общий доклад об обстановке на фронтах стал традицией, нарушать которую Фюрер не видел смысла.

- На юге мы потеряли Ростов и Таганрог[4 - Ростов-на-Дону и в реальной истории был освобожден в ходе Ростовской наступательной операции, проводившейся Красной армией с 17 ноября по 2 декабря 1941 года, а вот Таганрог советским войскам взять не удалось, хотя такая задача перед наступающими армиями ставилась. В результате Таганрог был освобожден только в августе 1943 года после двух лет оккупации.]. Без танков фон Клейста устойчивость нашей обороны оказалась подорванной, и после форсирования русскими Дона стабилизировать фронт удалось только по западному берегу реки Миус, где противнику сходу удалось захватить два небольших плацдарма, за которые сейчас продолжаются ожесточенные бои. Еще одной точкой крайнего напряжения наших сил стал Крым. В Керчи и Феодосии русские высадили морские десанты общей численностью до пятидесяти тысяч человек. Несмотря на большие потери им удалось закрепиться и нанести удары с захваченных плацдармов. Генерал фон Манштейн отдал сорок шестой пехотной дивизии и румынскому полку горных стрелков приказ удерживать позиции любой ценой, однако численный перевес русских быстро привел к тому, что эти войска были отрезаны на Керченском полуострове и почти полностью уничтожены[5 - Керченско-Феодосийская десантная операция в реальной истории началась 26 декабря 1941 года. Оборонявшие Керченский полуостров немецкая пехотная дивизия и румынский полк смогли избежать окружения и организованно отступить. Несмотря на удачное начало, в дальнейшем высадившиеся советские войска потерпели тяжелое поражение. Красная армия понесла большие потери и была вынуждена вновь оставить Керченский полуостров. Остатки войск Крымского фронта (10-13 тысяч бойцов) отступили в Аджимушкайские каменоломни, где продолжали сопротивление до конца октября 1942 года. В реальности книги десант в Керчи и Феодосии был высажен на две недели раньше ввиду более благоприятной обстановки, сложившейся из-за окружения

группы армий «Центр» под Москвой и ослабления группировки вермахта в Крыму за счет переброски немцами части сил на пополнение танковой группы Клейста.].

– Это неизбежные издержки большой войны, – Гитлер все-таки не удержался и перебил Гальдера, – Наши потери носят временный характер. После деблокады группы армий «Центр» и проведения перегруппировки и пополнения мы вернем все утраченные территории. Переходите к положению на Московском направлении, генерал-полковник.

– На данный момент наступление первой танковой группы фон Клейста развивается успешно. – заметно более бодрым голосом произнес Гальдер. – Грамотное применение химического оружия позволило нашим танковым дивизиям быстро сломить сопротивление русских в полосе нанесения главного удара и обезопасить фланги танкового клина от контратак противника. В войсках отмечают явное превосходство вермахта над Красной армией в части готовности к действиям в условиях химической войны, однако стойкость советских войск к воздействию отравляющих веществ оказалась несколько выше, чем мы ожидали.

– Скажите спасибо Абверу, генерал, – прорычал Гитлер, напрочь «забыв» о том, что сам санкционировал применение зарина в подготовленной разведкой спецоперации. – Благодаря их авантюре мы дали русским лишнюю неделю на подготовку. Я повторяю свое требование! Все причастные к этой непростительной ошибке должны искупить вину кровью!

– Виновные выявлены, мой Фюрер, и меры по ним приняты, – немедленно откликнулся генерал Йодль, – Сейчас они уже исправляют последствия своих действий в окопах на Восточном фронте.

* * *

Задубевшая на морозе резина противогазной маски гнулась плохо. Курт Книспель знал, что если не отогреть ее под шинелью, надеть противогаз будет невозможно. Химическая война в условиях окружения и тридцатиградусного мороза стала настоящим адом для оказавшихся в котле войск группы армий «Центр».

Два дня назад им зачитали обращение Гитлера и объявили, что доблестные танкисты фон Клейста уже сокрушили внешний фронт окружения и находятся меньше чем в сотне километров от зарывшихся в землю и снег армий Роммеля, Гота и Гёпнера. Командование вермахта в бравурном тоне обещало им скорое спасение, особо напирая на то, что Фюрер отдал приказ о применении для прорыва к окруженным всех сил и средств, которыми располагает Германия, включая самое современное химическое оружие.

Упоминание об отравляющих газах Книспелю сразу не понравилось. Сам Курт в Первой мировой не участвовал – тогда он еще даже не родился, но рассказы ветеранов, прошедших этот кошмар, слышал не раз. Никому из оказавшихся в Московском котле солдат не требовалось объяснять, что дела у группы армий «Центр», пошли, мягко говоря, не совсем так, как планировалось, однако Курт не мог представить, что все настолько плохо, что Гитлер решится применить боевую химию. Тем не менее, Фюрер решился.

Химическая война докатилась до окруженных армий не сразу. Видимо, русским потребовалось какое-то время, чтобы пережить шок от свалившихся на их головы снарядов и бомб с ипритом, фосгеном и хлорцианом. Оправились они, правда, довольно быстро.

Первый химический удар по переднему краю окруженных нанесли советские тяжелые гаубицы. Книспель уже привык к тому, что у русских явная нехватка снарядов, особенно крупных калибров. Однако химических боеприпасов у них, похоже, было запасено немало, и вместо обычных в последнее время экономных обстрелов красные обрушили на немецкие окопы многие сотни «чемоданов» с ипритом и люизитом.

Легколетучие газы русские не применяли. Видимо, их командование считало, что толку от них не слишком много, и главной своей задачей видело химическое заражение местности, через которую окруженные могли попытаться прорваться к своим.

Курт осторожно обмял пальцами гофрированную трубку, соединявшую противогазную коробку с маской, и вытряхнул из нее льдинки, намерзшие от дыхания. Собрав противогаз, он проверил, не замерзли ли резиновые лепестки в дыхательном клапане и, поморщившись от отвращения, натянул все еще холодную маску на лицо.

Танк Книспеля сгорел в бою у Рогачевского шоссе. Из экипажа выжил только он один. Полученные ожоги оказались болезненными, но не опасными, и через полторы недели Курт вернулся в строй. Боевых машин к этому времени в группе армий «Центр» осталось немного, но для одного из лучших наводчиков панцерваффе место в экипаже Т-III все же нашлось. Русские гранатометы чаще убивали и калечили танкистов, чем полностью выводили из строя сами танки, так что без работы по специальности Курт не остался.

– А вот и химики пожаловали, – удовлетворенно кивнул новый командир Курта лейтенант Кляйн, глядя на приближающихся солдат в противогазах и каких-то самодельных штанах, переделанных из уцелевших при отступлении противоипритных накидок.

– Герр лейтенант, отряд химической разведки готов к выдвижению, – доложил фельдфебель, командовавший пятью химиками, и протянул офицеру карту. – Вот наш маршрут. Нам приказано проверить возможность прохода пехоты в трех обозначенных здесь районах.

Лейтенант на секунду задумался, прикидывая, хватит ли у его танка горючего, после чего слегка кивнул собственным мыслям.

– На броню! – скомандовал он фельдфебелю, и химики бодро полезли на танк, а экипаж занял места в машине. Противогазы все надели заранее – зараженная местность начиналась буквально в паре сотен метров от их позиции.

Это был уже не первый подобный рейд Курта. Танки Клейста, похоже, действительно приближались к внутреннему фронту окружения, и командование активно готовилось к удару им навстречу, пытаясь нащупать относительно безопасные коридоры для прорыва. Средств дегазации у попавших в котел армий практически не имелось, и теперь оставалось только искать разрывы в поставленных русскими химическими заграждениях.

Танк взревел двигателем и, разбрасывая снег, тронулся в указанном химиками направлении. На взгляд Курта, бронетранспортер для этой задачи подошел бы лучше, но их у окруженных сохранилось еще меньше, чем танков, да и вероятность нарваться на обстрел противником все же была довольно высокой. В общем, командование предпочло не рисковать, хотя для вынужденных сидеть на броне солдат это решение явно было не в радость.

В течение пары часов химики трижды останавливали танк стуком по броне и уходили на нейтральную полосу. До русских окопов расстояние оставалось довольно приличным – лезть на собственноручно залитую и притом территорию красные не желали. Как понял Книспель, химики пытались определить ширину этой зараженной полосы. Двое из них несли довольно громоздкие приборы химической разведки. Ситуация осложнялась тем, что в случае обстрела залечь на зараженной территории было нельзя – снег и земля, пропитанные ядом, могли убить вернее, чем пуля или осколок. Поэтому приближаться к русским окопам химики не торопились, да и задачи у них такой не было.

Каждый раз, возвращаясь к танку, фельдфебель лишь отрицательно качал головой, и его подчиненные молча забирались на броню, а лейтенант отдавал мехводу приказ двигаться дальше.

Четвертый выход оказался более удачным. Во всяком случае, отряд химиков ушел довольно далеко и вернулся назад только минут через сорок. До этого им хватало десяти-пятнадцати минут, чтобы понять, что проходов, доступных для пехоты, в проверяемых местах нет.

– Нашли, – пробубнил из-под противогаза фельдфебель, – Не скажу, что разрыв широкий, но при минимальной дегазации пехота пройдет. Русские артиллеристы, видимо, ошиблись и сместили прицел. Место, несомненно, перспективное...

– Воздух! – заорал Курт, рассмотревший у горизонта темные точки самолетов.

– Может наши? – неуверенно предположил фельдфебель, пытаясь разглядеть подробности через начавшие запотевать стекла противогазной маски.

Ему никто не ответил. Танк, загнанный под деревья небольшой рощи, имел неплохие шансы остаться незамеченным, и лейтенант совершенно справедливо решил не дергаться и дожидаться прояснения ситуации. Самолеты, чьи бы они ни были, явно прилетели сюда не по их души.

– Русские штурмовики, – опознал противника один из химиков. Идут левее, и нас, похоже, не видят.

Неожиданно позади илов из высоких облаков вынырнули еще две точки, в крутом пикировании устремившиеся вниз.

– А вот это уже наши, – с удовлетворением произнес фельдфебель, успевший стянуть с лица маску противогаза и теперь, не снимая перчаток, протиравший ее куском влажной на вид ткани. Его примеру тут же последовали подчиненные – похоже, разведка на сегодня была закончена.

Атака «мессершмиттов» не осталась незамеченной. От штурмовиков к ним потянулись трассы пулеметных очередей, однако, судя по всему, попаданий русским добиться не удалось. Зато немцы свой шанс не упустили. ИЛ-2, немного отставший от группы, прекратил огонь. На его корпусе мелькнуло несколько вспышек, и самолет медленно завалился на крыло. Окутавшись дымом, он быстро понесся к земле, но внезапно за обреченной машиной потянулся широкий белый след.

– Газы! – заорал фельдфебель, вновь натягивая уже почти убранный противогаз.

Пилот подбитого штурмовика, видимо, был еще жив и открыл форсунки выливного авиационного прибора. Полтонны иприта, смешанного с труднозамерзающими растворителями, в течение нескольких секунд образовали за самолетом огромное облако, которое сейчас рассеивалось все шире и дрейфовало в сторону рожицы, где укрылся танк Курта.

– Заводи! – выкрикнул лейтенант Кляйн, проваливаясь внутрь машины и захлопывая створки люка.

В небе, между тем, появились новые действующие лица – два истребителя Як-1. Почему они отстали от прикрываемых штурмовиков, было неясно, но теперь русские пилоты пытались прийти на помощь своим товарищам.

Чем закончился бой, Курт не видел, и только вернувшись в свою часть, стал свидетелем короткого разговора между командиром танка и фельдфебелем-химиком.

– Мы еле выскочили, а то пришлось бы нам с вами, герр лейтенант, вашу машину от иприта отдраивать и самим этой вонючей дрянью из противохимических пакетов друг друга обрабатывать. Всем бы досталось – полных защитных

костюмов у нас ведь нет.

– Ну, значит, в этот раз нам повезло, – лейтенант отнесся к словам химика спокойно. – Чем в воздухе дело закончилось?

– «Мессершмитты» еще один штурмовик завалили, а дальше я не видел. Хуже другое. Эти русские, похоже, летели наши окопы химией поливать, и когда сто девяты на них навалились, они начали от этой дряни избавляться, открыв выливные приборы.

– И что тут плохого? – вяло удивился лейтенант. – Не довезли до наших окопов химическую заразу, стало быть, с пехоты ящик шнапса истребителям.

– Боком нам выйдет эта победа люфтваффе, – зло усмехнулся фельдфебель. – Русские штурмовики напрочь залили ипритом разведанный нами коридор. Так что готовьтесь, герр лейтенант. Завтра, а может и еще сегодня, командование нас снова в рейд погонит.

* * *

Мое скромное пожелание усилить две выделенных мне танковых бригады частями химзащиты было удовлетворено Ставкой с неожиданным размахом. Размениваться на мелочи Шапошников не стал, и каждая из бригад получила из резерва главного командования по два отдельных батальона химзащиты со всеми причитающимися им по штату подразделениями и техникой – машинами дегазации, установками для обеззараживания одежды и снаряжения, взводами химической разведки и ротами боевой поддержки.

– Товарищ маршал, в плане противохимической защиты я получил все, что нужно. Благодарю за понимание. Тем не менее, для успеха операции этого недостаточно, – я решил, что если уж дают, надо брать все, до чего дотянутся мои загребушие руки, – Противник быстро поймет, чем может обернуться наш контрудар, и будет оказывать ожесточенное противодействие. В частности, немцы обязательно нанесут авиационные и артиллерийские удары по батальонам химзащиты, которые будут заняты дегазацией проходов для армий товарища Конева. Я должен иметь возможность эффективно противодействовать этим попыткам. Штатных средств ПВО танковых бригад

совершенно недостаточно для прикрытия наступающих танков и одновременной защиты химиков.

- Хорошо, - чуть помедлив, согласился Шапошников, - этот вопрос мы решим. Что-то еще?

- Артиллерия. Мне нужна возможность быстрой организации контрбатарейной борьбы, когда немецкие тяжелые гаубицы начнут обстреливать наши боевые порядки. В идеале хотелось бы иметь прямую связь с арtpолком РГК, который будет работать по передаваемым мной координатам. Лучше - два полка.

- Это выполнимо, - кивнул маршал, - тем более что такая схема уже не раз хорошо себя показала в реальном бою. Хуже с боезапасом. Фугасных снарядов крупных калибров почти нет уже даже на фронтовых складах.

- Товарищ маршал, для контрбатарейной борьбы отлично подойдут химические боеприпасы. Иприт и люизит быстро отбивают у артиллеристов охоту продолжать ведение огня, особенно если среди каждых пяти-шести снарядов с химией на их позиции все-таки прилетает и один фугасный.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В реальной истории Германия объявила войну Соединенным Штатам Америки 11 декабря 1941 года - практически сразу после нападения Японии на Перл-Харбор

и высадки японских войск на Филиппинах. В реальности книги вермахт оказался в гораздо более тяжелой ситуации на Восточном фронте, и Гитлер воздержался от столь опрометчивого шага.

2

После внезапного нападения Японии на США Рузвельт действительно обращался к Сталину с просьбой помочь в борьбе с японским агрессором. Первая беседа президента США с послом СССР состоялась в Вашингтоне на следующий день после удара японцев по Перл-Харбору. Рузвельт хотел, чтобы СССР предоставил США возможность наносить с территории Советского Союза авиаудары по японской метрополии. Однако это означало бы нарушение пакта о нейтралитете, подписанного в апреле 1941 года между Советским Союзом и Японией и неизбежно привело бы к состоянию войны между СССР и Японией. Сталин был вынужден отказать Рузвельту, ссылаясь на вышеуказанный пакт и на то, что СССР в настоящее время ведет тяжелую войну с Германией, которая требует сосредоточения всех сил и средств. Получив отрицательный ответ, Рузвельт заявил послу СССР, что сожалеет о таком решении, но на месте Советского Союза поступил бы так же.

3

В реальной истории в ходе Тихвинской стратегической наступательной операции, длившейся до конца декабря 1941 года, Кириши взять не удалось, а Киришский плацдарм на восточном берегу Волхова удерживался немцами еще почти два года и являлся серьезной угрозой для Красной армии ввиду возможности возобновления немецкого наступления в сторону реки Свирь для соединения с финскими войсками.

4

Ростов-на-Дону и в реальной истории был освобожден в ходе Ростовской наступательной операции, проводившейся Красной армией с 17 ноября по 2 декабря 1941 года, а вот Таганрог советским войскам взять не удалось, хотя такая задача перед наступающими армиями ставилась. В результате Таганрог был освобожден только в августе 1943 года после двух лет оккупации.

5

Керченско-Феодосийская десантная операция в реальной истории началась 26 декабря 1941 года. Оборонявшие Керченский полуостров немецкая пехотная дивизия и румынский полк смогли избежать окружения и организованно отступить. Несмотря на удачное начало, в дальнейшем высадившиеся советские войска потерпели тяжелое поражение. Красная армия понесла большие потери и была вынуждена вновь оставить Керченский полуостров. Остатки войск Крымского фронта (10-13 тысяч бойцов) отступили в Аджимушкайские каменоломни, где продолжали сопротивление до конца октября 1942 года. В реальности книги десант в Керчи и Феодосии был высажен на две недели раньше ввиду более благоприятной обстановки, сложившейся из-за окружения группы армий «Центр» под Москвой и ослабления группировки вермахта в Крыму за счет переброски немцами части сил на пополнение танковой группы Клейста.

Купить: https://tellnovel.com/ru/glebov_maks/asimmetrichnyy-otvet

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)